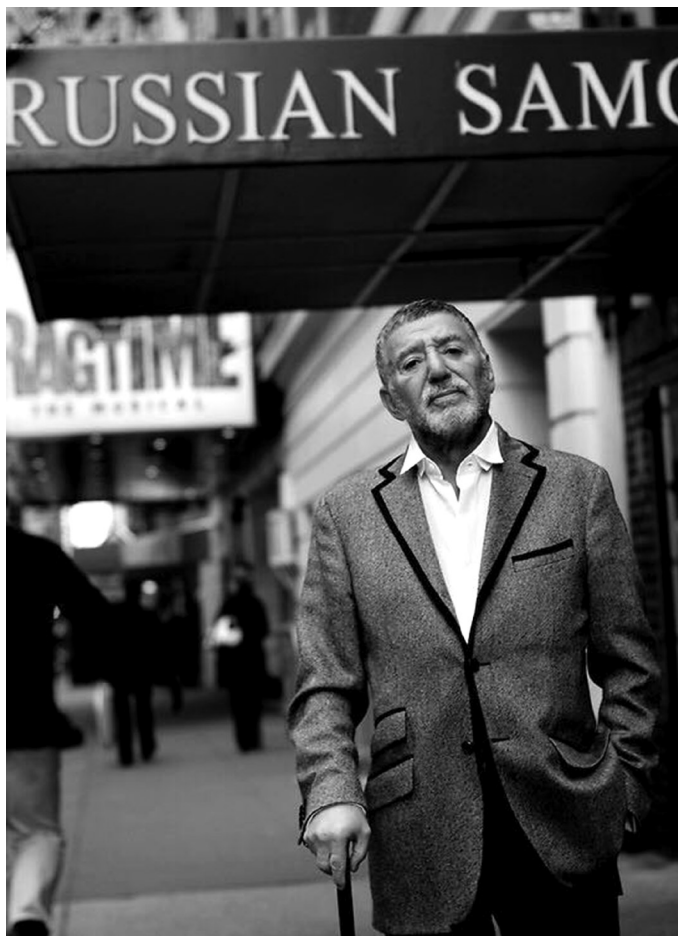

Роман Каплан — душа «Русского Самовара»

Роман Каплан у входа в свой легендарный «Самовар»

Зима. Что делать нам в Нью-Йорке?

Он холоднее, чем луна.

*Возьмем себе чуть-чуть икорки
и водочки на ароматной корке...*

Согреемся у Каплана

И. Бродский

Легендарный нью-йоркский ресторан «Русский Самовар» — не просто заведение а-ля-рюсс, где можно утолить голод борщом, но сакральное место русскоязычной культуры зарубежья, «земля обетованная» советской и русской эмиграции Нью-Йорка. И. Бродский и М. Барышников были его совладельцами, но душой ресторана всегда оставался гостеприимный хозяин-интеллигент Роман Каплан. Не только, и не столько, или даже вовсе не ресторатор-бизнесмен, но филолог и искусствовед, на равных с великими поэтами знающий и любящий поэзию, разбирающийся в тонкостях изобразительного искусства и обладающий отменным литературным вкусом. Немудрено, что он сумел собрать вокруг себя — и в своем «Самоваре», и по жизни — ярких и уникальных представителей русской и мировой культуры.

Сколько строк было посвящено ему и его ресторану, сколько картин, книг, фотографий, автографов, альбомов для гостей хранят эти стены. Легче сказать, кто здесь не бывал, чем перечислять тех, кто посетил «Самовар», от политиков до звезд шоу-бизнеса, все самые известные эмигранты и именитые современники, как из России, так и из других стран. «Русский Самовар» всегда был в списке мест, обязательных к посещению в Нью-Йорке. Здесь читались только что написанные стихи известных поэтов, выставлялись будущие шедевры искусства, сюда мог зайти М. Ростропович и просто поиграть для гостей и даже спеть, здесь можно было оказаться в один день на ужине с И. Бродским и М. Барышниковым, М. Плисецкой, М. Мastroяни, Л. Минелли или Б. Стрейзанд. В «Самоваре» отмечали дни рождения, свадьбы, юбилеи и провожали в последний путь С. Довлатова, И. Бродского, Л. Лосева и других легендарных эмигрантов.

Мы договорились о встрече по телефону. В день интервью я не была уверена, что Роман Каплан придет на наше деловое свидание в «Русский Самовар», а я даже не продиктовала свой номер, ему все же 80 лет, мог приболеть, забыть, передумать. Он даже намекнул, что давать интервью ему уже порядком надоело. Звонить самой и напоминать кажется несколько невежливо. «В конце концов, поем в одиночестве оливье, не самый худший вариант вечера», — решаю я, и вот уже менеджер проводит меня в полумраке зала к самому известному и культовому столику во всем ресторане — ошибки быть не может, на полке, что огибает его, стоит портрет Иосифа Бродского. Уже чувствую себя избранной — наверное, важных и дорогих гостей сажают именно сюда. В ресторане, хотя время еще раннее для ужина, немало посетителей, русская речь смешивается с английской, пожилые люди и молодежь одинаково увлечены разговорами за своими столиками. На белом рояле — давнишний подарок ресторану от М. Барышникова — музыкант играет ту моментально узнаваемую, с детства врезавшуюся в память мелодию из «Семнадцати мгновений весны», когда Штирлиц пришел в кафе для тайного свидания с женой. «Где-то далеко, где-то далеко идут грибные дожди...»: внутренне усмехаюсь некой китчевой театральности момента — как-никак, я тоже вдали от родины, а в «Русском Самоваре» все располагает к ностальгии.

Ровно в 18:30, как и было назначено, в зале появляется невысокий, худощавый и элегантно одетый Каплан — конечно, узнаю его по фотографиям. Сначала он подходит к столику, где ужинают его знакомые, уточняет у них время, сообщает, поглядывая на меня, что «его ждет девушка» и, наконец, подходит ко мне.

«Ох, я уж столько раз обо всем этом рассказывал, — говорит Роман, — все эти интерВРУ (знаешь, Бродский же так в шутку говорил). Давай просто выпьем, закусим и поболтаем. Ты что, записывать будешь?»

Как-то с первых минут общения мои робость и напряжение улетучиваются, а еще я понимаю, что свои заготовленные листочки с вопросами можно отодвинуть, с этим человеком не выйдет по типичной схеме «вопрос-ответ», придется вальсировать за его мыслью, пытаюсь иногда вести самой.

Я редко выпиваю, тем более, водку или настойку, но кажется, тут не отвертеться, у меня будет настоящая посиделка в русском духе. Интуиция подсказывает, что разговор и стоит начать именно с того, без чего немислим никакой русский стол. И это, как вы догадались, не совсем самовар.

«Русский Самовар» славился своими настойками домашнего приготовления, которые вы лично делали, не так ли?

Я обычно рюмок десять за вечер выпивал. То к одному столику подойдешь, то к другому, пока со всеми поговоришь, гости-то все заедают, а я — нет. Потом я вспомнил, что когда-то, в старые добрые времена, дворяне сами делали водку в своих поместьях. Один друг прислал мне как-то книжку 1802 года издания, в которой было больше 1000 рецептов настоек на водке. И я попытался некоторые из них возродить, хотя, конечно, многих ингредиентов в наше время уже не найдешь, например, березовые почки.

У нас в «Самоваре» было около 25-ти разных настоек. Поначалу я, действительно, делал их сам. У меня был друг, замечательный фотограф, он уже умер, Лев Нисневич, некоторые его прекрасные работы можно увидеть у меня в ресторане.

Сначала я придумал рецепты семи настоек, Лев снял замечательные фотографии маленьких рюмочек с этими настойками и подписал — «семь чудес света». Потом настоек уже стало больше. Слава Ростропович научил меня делать чесночную настойку под названием «пейсаховка», а рецептом хреновой настойки поделились художники Комар и Меламид.

Кто еще, кроме вас, может похвастать тем, что сам Иосиф Бродский вложил часть своей Нобелевской премии в ваш совместный бизнес в ресторане «Русский Самовар», да еще пригласил в долю Михаила Барышникова? Сейчас бы сказали, что это был умный, с вашей стороны, маркетинговый ход. Вы же ожидали, что дела пойдут в гору?

Михаил Барышников в роли официанта;
обслуживает Р. Каплана в «Русском Самоваре»

войти в долю, сделав это, конечно, более всего из симпатии ко мне и желания помочь, нежели строя планы по получению прибыли. Они всегда могли прийти в ресторан, привести друзей, отмечать дни рождения и праздники. Ресторан вообще особой прибылью не приносил, это был проект для души. За Иосифом и Мишей в «Самовар» потянулись талантливые и известные люди из мира искусства и литературы, знаменитые голливудские, бродвейские и европейские артисты.

Конечно, это был большой козырь. Если в ресторан ходят Бродский и Барышников, да к тому же, являются там соучредителями, это привлекает людей.

У Бродского был в ресторане свой любимый столик. А что он больше всего любил здесь выпить и поесть?

Он всегда садился за самый крайний столик справа, за которым мы сейчас сидим, подальше от всех, чтобы было немного укромно и откуда, в то же время, виден весь зал. Иосиф любил крепкие настойки: хреновую водку и имбирную. Пельмени любил, селедку, холодец, на праздники всегда просил приготовить ему гуся. Раз в месяц обязательно навещался.

А что предпочитает Михаил Барышников?

Сначала я открыл «Самовар» на этом же месте с несколькими партнерами, дела шли хорошо, потому что это место находится рядом с Бродвеем, театрами, люди приходили после спектаклей, друзья заходили, но потом начались проблемы: требовался ремонт, прямо возле «Самовара» началась стройка, и наше здание получилось скрытым от глаз пешеходов, нужны были деньги, чтобы продолжать существование и выкупить доли партнеров. Как раз тогда Иосиф получил Нобелевскую премию, до этого денег у него никогда и не было. Я не сразу, но решил попросить его о помощи. А он уже, в свою очередь, решил позвать за собой и Барышникова. Конечно, я понимал, что партнерство с Бродским и Барышниковым — это большое дело, но не особенно об этом думал. На тот момент очень нужны были деньги. Они оба согласились

Он тоже довольно часто заходил, да и сейчас бывает. Миша любит винегрет, селедку, выпить может любую настойку. Садимся мы и сейчас за столик Бродского, когда он приходит. На моем последнем дне рождения в «Самоваре» он был. Принес мне сделанную им фотографию, на которой Иосиф и его жена Мария в гостях у друга и мецената Миши в его поместье в штате Джорджия. Очень трогательная фотография, Миша потрясающе схватил момент на этом снимке и очень мило было с его стороны подарить его мне.

— Попробуй это, мое солнышко, — говорит мне Роман.

Официант ставит на наш стол большое блюдо с крупными кусками лосося. «Ну и что особенного», — подумала я, тем более, что как раз на обед готовила себе суп из этого самого лосося. Потом оказалось, что Роман сам, на кухне ресторана, до моего прихода, приготовил это своё любимое блюдо, которого даже и нет в меню: он иногда готовит его в охотку для своих гостей, если удастся купить «правильную рыбу». Варёные в специях копченые куски рыбы на костях, с картошечкой и под клюквенную настойку. Сама себе завидую: не всякому довелось быть специальным гостем Романа Каплана, которого он потчевал, что называется, из своих рук.

Становится стыдно, что я боялась, будто он забудет и не придет на интервью, и я начинаю понимать, почему все так любили ходить к нему в гости. Его самый большой талант — умение общаться, быть другом и давать каждому почувствовать себя особенным и дорогим.

У вас всегда было огромное количество друзей, среди них — два больших поэта, Бродский и Евтушенко, между которыми были очень напряженные отношения. Как вам удавалось при этом не рассориться ни с одним?

Помню, однажды пришел Женя Евтушенко, у меня с ним были довольно хорошие отношения, хотя Бродский его ужасно не любил, это даже мягко сказано, что не любил. Эмоции в те годы выражались ярче, чем сейчас. А я пытался с обоими поддерживать отношения. Когда Женя зашел, я в это время сидел за столом с Иосифом, кажется, мы рассказывали анекдоты, он любил их, как и забавные сплетни. За обедом он сидел всегда в своем дальнем углу, а если приходил ненадолго, садился со мной за мой стол, который стоял недалеко от входа. Увидев нас, Евтушенко подошел к столу и сказал: «Какая встреча!» А Бродский, не глядя на него, продолжал разговаривать со мной. И я в такой щекотливой ситуации оказался. Потом Женя сел в бар, заказал выпивку. Когда Иосиф ушел, я подошел к Жене, и он мне сказал: «Поразительно, ведь вот еврей с арабом находят общий язык, а тут два русских поэта не могут друг с другом договориться». Поскольку я по натуре миротворец, у меня всегда было желание их конфликт сгладить.

И вот поехал я как-то к Иосифу и начал ему свою миротворческую позицию излагать. Одним из доводов Евтушенко к примирению был такой, что после

Роман Каплан и Евгений Евтушенко в «Самоваре»

смерти все будут равны, и их с Иосифом книги будут стоять на одной полке. И на самом деле, так оно и есть. А Бродский меня тогда спросил: «Ромка, а что делали с гонцами, которые приносили плохие новости?» Дальше разговаривать не имело смысла, мне стало ясно, что это было сказано в ультимативном тоне. Сейчас иногда смотрю, а на моей полке, действительно, книги с их именами соседствуют рядом.

Что самое главное в дружбе?

Искренность. Когда у тебя нет никаких сомнений в человеке. Почти все люди, которых я встречал, оборачивались ко мне какой-то невероятно доброй стороной. Я никак не могу в это поверить. Щедрость и широта души моих друзей меня потрясает.

Но ведь вы же сами такой человек!

Я этому у своих друзей научился. Меня многому научили в жизни грузины, я всегда хотел быть грузином. Когда-то давно, когда я еще жил в Ленинграде, со мной приключилась занимательная история. Я был в аэропорту, ко мне подошел симпатичный молодой грузин и сказал: «Ваше лицо показалось мне добрым, мне очень нужно двадцать пять рублей на билет до Тбилиси. Вы не могли бы мне одолжить?» И так доверчиво он смотрел мне в глаза, а у меня, к счастью, были с собой деньги, хотя по тем временам такая сумма была немалой, учитывая, что зарплата в среднем 100 рублей. А позже я получил приглашение на свадьбу в Тбилиси, и можешь себе представить, я еду на свадьбу к этому человеку, а он мне

при всех говорит, что это я устроил его счастье, потому что ему тогда надо было позарез улететь, чтобы решить свой личный вопрос.

Вот в «Самоваре» у меня висит множество картин замечательных художников, почти все они были мне подарены. Что я могу сказать? Меня переполняют чувства благодарности и любви. Я живу так, как меня научили: с собой в могилу ничего не заберешь, и в этой жизни надо стараться делать только добрые дела.

А с Бродским вы познакомились еще в Ленинграде?

Думаю, это случилось году в 60-м. Сначала я познакомился с А. Найманом и Е. Рейном, а они уже представили меня Иосифу. В то время поэзия была очень популярна и всеми любима, поэты выступали во многих клубах и на разных площадках. На одном из таких поэтических вечеров мы и познакомились. Иосиф был впечатлен тем, что я знаю иностранные языки, звонил мне иногда, уточнял этимологию каких-то слов. Мы встречались на улице, на чтениях и выступлениях, у общих друзей, я несколько раз бывал у него дома. Но я никогда не осмеливался назвать его другом.

Но ведь он тогда еще не был таким известным!

Роман Каплан и Иосиф Бродский в «Самоваре». Фото Нины Аловерт

Для меня он всегда был Поэтом. Я сразу распознал в нем гения. Уже тогда я ему прочил Нобелевскую премию. В 1963-м я уехал из Ленинграда в Москву и мы не виделись. А заново встретились уже случайно в Нью-Йорке. Его телефонов и адресов у меня не было. Как-то раз, случайно, я встретил на улице Беллу Ахмадулину и Бориса Мессерера, которых знал еще со времен жизни в Москве, они направлялись в Колумбийский университет на выступление Беллы, я присоединился к ним. А позже мы поехали на прием в дом некоего Питера Спрейга. Это был американский бизнесмен, любитель душевного общения с русскими эмигрантами. А дворецким в его доме работал Эдуард Лимонов. Белла остановилась именно там. И вот туда и Бродский пришел на вечер, и многие другие известные эмигранты. Это был 1977-й год. И с тех пор мы уже стали регулярно с Иосифом общаться в Нью-Йорке.

Почему вы так любите самовары?

С детства люблю. Нравится их форма, каждый самовар по-своему красив и уникален, это штучный товар, ручная работа. У меня большая коллекция само-

варов, почти все они стоят в ресторане, а некоторые у меня дома. Я ездил по разным аукционам, антикварным магазинам, где мог, их покупал. Самовар ведь всегда был центром семейного стола, это символ тепла и уюта, домашнего очага. Однажды Сергей Довлатов нашел на барахолке самовар, купил его на последние деньги и нес пешком через весь город, на проезд у него уже не хватило. Потом сидел всегда за столиком рядом со своим самоваром.

Правда, что винегрет в «Самоваре» делают по рецепту Юза Алешковского?

Да-да, правда. Юз пришел однажды в ресторан, поел, потом спустился на кухню и показал ребятам, как якобы надо правильно делать винегрет. Я уж не помню, по-моему, он в него фасоль добавил. Борщ тоже делают по его же рецепту, а пельмени — по рецепту его жены.

Говорят, что в меню всегда были те блюда, которые вы сами могли приготовить? Откуда у вас эта любовь к кухне?

Поначалу я сам готовил многие блюда в «Самоваре». Я с юных лет любил рестораны, грузинскую и узбекскую кухню, и, конечно, русскую больше всего. Я считаю, что мы, несмотря на дефицит продуктов, были воспитаны на вкусных блюдах. Когда я преподавал в институте Мориса Тореза в Москве, у меня была одна студентка, ее отец работал шеф-поваром в ресторане армянской кухни «Арагат». Она как-то рассказала папе про Романа Аркадьевича Каплана, и тот пригласил меня к себе с друзьями: нас не просто накормили, а запредельно вкусно попотчевали. И потом этот Багратуни, всякий раз, как я туда приходил, угощал невероятными блюдами. Но вообще, и дома многие же хорошо готовили, я любил, как стряпает мать моего кузена. Изысков не было, но все равно, было вкусно.

Я блокадный ребенок и, конечно, сильно голодал в детстве. Когда война началась, мне было 4,5 года. Помню ту голодуху, как мы ели спички, а одна страшная картина сильно впечаталась в память. Мы с братом-близнецом играли, бегали, а мать в это время суп варила из картофельных очистков. Потом она его завернула в одеяло и поставила на кровать, а мы этого не знали, и перевернули его и все пролили. Я помню, мать нас отхлестала, а потом мы сидели втроем и плакали. Моя мама была учительницей пения, а отец дирижером, на фронте тоже в оркестре служил.

Те, кто близко не знаком с вашей биографией, полагают, что вы — лишь легендарный ресторатор культового «Самовара». Но это далеко не полный ваш портрет. По образованию вы филолог и искусствовед, кандидат наук. Не случайно, что вокруг вас собралось столько талантов из мира литературы и искусства.

Поэзию и иностранные языки я любил с ранних лет, самостоятельно учился по книгам. Закончил педагогический институт имени Герцена, где специализировался на английском и французском. Кроме этих языков, знаю немецкий, неплохо польский. Последний взялся изучать, конечно, под влиянием Иосифа, он был очень увлечен польским. Латынь еще учил и люблю ее безумно, иврит знаю. Кроме того, прилично владею итальянским, тоже изучал его самостоятельно. Еще я учился в Академии художеств и потом в аспирантуре при Эрмитаже, но аспирантуру не смог закончить, вернее, не дали: начались неприятности с советской властью. Те же самые люди, которые через год начали травлю Бродского, собрали компромат и на меня. Про меня были напечатаны жуткие статьи в газетах.

Я вообще был из тех молодых людей, которых называли «штатниками», любил все американское: литературу, язык, музыку. В те времена ведь было запрещено общаться с иностранцами. А я с ними общался, теперешней молодежи не понять, что нас могли за это арестовать или за то, что тебе книжку запрещенную подарили или дали почитать. Меня отовсюду исключили, хотя потом оказалось, они и не имели права этого делать, только Верховный суд был вправе принять такое решение.

Мой брат-геолог и Иосиф решили отправить меня подальше от Ленинграда, устроили мне геологическую командировку в Сучан около Владивостока, я пробыл там четыре месяца, а потом поехал в Москву, потому что моя близкая приятельница сказала, что там возможно поступить в аспирантуру при институте Мориса Тореза. Как ни странно, меня туда приняли. Я изучал американскую литературу и защитил диссертацию по американскому военному роману. Конечно, меня постоянно обвиняли, что я хочу уехать на Запад. Да, я хотел убежать, не скрываю. Более того, мы с друзьями планировали угнать самолет из Риги, в те годы это было легко сделать. Я довольно часто летал в кабинах летчиков, платил им, как проводникам в поезде, они сажали меня без билета. Денег-то не хватало. Но наш план не удался, один из друзей настучал. Нас арестовали, но мы сумели обмануть милицию и убедили всех, что собирались сделать угон ради изучения детективного сюжета, потому что мы писатели.

В 1972 году я уехал в Израиль, хотя всегда мечтал оказаться в Америке. Израиль был тогда маленькой и провинциальной страной, мне там не понравилось. А если бы я сейчас туда попал, то думаю, никуда бы и не уехал, скорее всего. Теперь там все по-другому, есть большое русское влияние, тогда его не было. В Израиле я преподавал в двух университетах американскую литературу, мне повезло, что так получилось. Сотрудница на интервью спросила, где я получил свою кандидатскую степень, и я сказал — Moscow, а ей послышалось — Бостон. Позже она узнала правду, и мы с ней очень смеялись.

А чтобы попасть в Америку, вам пришлось написать книгу. Что это за история?

У меня сложилось ощущение, что у Америки с Израилем была негласная договоренность: не выпускать в США из Израиля эмигрантов из России. Во всяком случае, я пару раз пытался уехать, и мне отказывали. Было чувство, что я попал из одной клетки в другую. Я дружил с довольно милым человеком, Виктором Перельманом, который когда-то работал в «Литературной газете» в Москве, а потом был редактором журнала «Время и мы» в Израиле. Он мне посоветовал сочинить что-нибудь, чтобы он потом мог напечатать это в своем журнале и дать мне официальную причину для выезда из страны с целью продвижения книги. Я сел и написал роман «Наша армянская кровь», и так я оказался в Нью-Йорке.

Где же вы устраивали посиделки до того, как появился «Самовар»?

Сразу по приезду в Нью-Йорк я работал полгода ночным портье, но вскоре мне повезло, я стал директором галереи русского искусства Э. Нахамкина. В те годы как раз была большая мода на русское искусство, картины советских художников очень хорошо продавались, были популярны. Я еще по Ленинграду знал и М. Шемякина, и О. Целкова, и многих других. А моя квартира находится прямо напротив галереи на Мэдисон-авеню, и после закрытия все обычно шли ко мне на продолжение. Я что-то всегда готовил, любил большие куски мяса запекать, выбегал из галереи, уменьшал огонь на плите, поливал соусом и обратно. Когда гости приходили, все было уже не просто вкусно, а чрезвычайно вкусно.

У «Самовара» был предшественник — ресторан «Калинка». Что с ним случилось?

Этот ресторан мы с Нахамкиным выкупили у предыдущих владельцев, он находился прямо в моем доме. Моя жена Лариса к тому времени уже устала от постоянных гостей в нашем доме и однажды в сердцах сказала мне, что если я так люблю всех кормить и поить, то мне надо открыть ресторан, и тогда все друзья сразу же перестанут нахалю ко мне ходить. Но «Калинка» была, скорее, дневным кафе, туда было приятно сходить на обед, помещение было маленькое, за ужином не разгуляться. А я хотел создать такое место, где бы по вечерам собирались друзья, и так появился «Самовар».

В этом помещении, где сейчас уже много лет находится ваш «Самовар», должна быть особенная аура, ведь здесь когда-то жил сам Фрэнк Синатра.

Он, правда, здесь жил, на втором этаже. Я сначала раздумывал, брать ли это помещение, но, когда узнал, что оно связано с именем Синатры, больше не сомневался. На первом этаже располагался знаменитый итальянский ресторан Jilly, его давнего друга, который был в свое время охранником и шофером певца, они еще со школы дружили. И для него Синатра купил этот ресторан. У него здесь всегда был зарезервирован столик, вечерами он сидел, а к нему шли на поклон его почитатели. Когда мы приобрели помещение, Синатра уже в Нью-Йорке не жил.

О чем вы чаще всего беседовали с Бродским?

А как ты думаешь?

О поэзии? — уверенно предлагаю я ответ и жестоко ошибаюсь.

Нет.

О женщинах? (могла бы и сразу догадаться)

Конечно! Ну а как же? Сплетни любили интересные, помните, как у Маяковского: «...в супе что варилось у соседа, кто и что отправил в рот, нет ли, есть ли хахаль новый, и из чьих таких щедрот новый сак у Ивановой».

Тем не менее, не со всеми же подряд Бродский сплетничал, и вообще, он мало кого любил. Вас же выделял, вряд ли только из-за разговоров о женщинах.

Конечно, мы про друзей, знакомых говорили, обсуждали, кто и что прочитал. Бывало, он начинает декламировать какое-то стихотворение, а я продолжаю, это его удивляло, он ценил это. Нас тоже объединяла любовь к иностранным языкам. Но я никогда не осмеливался назвать его другом, мне всегда было неловко. Дружба с ним не была простым делом. Бродскому нельзя было ляпнуть какую-то пошлость, сказать вульгарность, банальщину. Или плохо пошутить. Это был бы конец отношений, ты бы стал ему совершенно неинтересен.

Ваше поколение, вот взять вас, Бродского, Барышникова, знало и знает наизусть очень много поэзии.

Да, мы любили стихи и учили их много. Я Мандельштама очень люблю, Пастернака, из Бродского, конечно, многое знаю тоже. Люблю всех поэтов, читаю, в основном, поэзию. Сейчас стали иногда случаться провалы в памяти, читаю вслух стихотворение на память, и на середине могу совершенно забыть строчки. Моя ласточка, пей, кто знает, когда мы с тобой еще увидимся.

Роман Каплан и Михаил Барышников в «Русском Самоваре» на вечере в честь дня рождения И.Бродского. 24 мая 2018 фото: Ольга Хрусталёва

Бывало такое, что Бродский сочинил что-то, сидя за столиком в «Самоваре»?

Он пришел как-то на день рождения моей жены Ларисы, а он к ней очень трепетно относился. В его руке был листочек бумаги, на котором что-то написано, он присел, чтобы, как выяснилось, закончить строчки. Получился стих в честь Ларисы. Там были замечательные слова:

Мы все познали: сталь нагана,
мир чистогана и сумы.
Везде достаточно погано,
но мы,
рожденные в социализме,
валяем в Штатах дурака.
И скажем в оправданье жизни:
мы видели Ларису К.

Расскажите про ваши знаменитые альбомы, в которых друзья писали вам стихи, оставляли свои автографы и делали рисунки.

Я не сразу до этого додумался, но потом решил, что ведь, действительно, каждый день у меня бывают поразительные люди, личности с мировой славой, и мне хотелось, чтобы они оставили о себе что-то на память. Мне было интересно, как они узнали про это место, каковы их впечатления. Некоторых я знал, других нет, но всех просил что-то написать. Кто-то рисовал, другие сочиняли стишки или просто писали смешные и добрые слова.

Как я понимаю, ваша жена, которая когда-то отправила вас открывать ресторан, чтобы гости не толпились дома, сама в итоге вела все дела в «Самоваре». Она занималась бизнесом, а вы были душой ресторана?

Лариса приходила в 10 утра и была в ресторане до 5-ти, на ней была вся административная работа и волокита по хозяйству. А я приходил в шесть, садился за свой столик, на нем всегда было множество книг, которые я читал, мне постоянно что-то приносили, дарили. В итоге, собралась огромная библиотека, и все книги подписаны и с авторскими автографами. Два раза в месяц у нас были поэтические чтения, на русском и английском языках. Поначалу я занимался этими вопросами, потом сами поэты.

Кто сейчас владеет рестораном?

Жена Иосифа после его смерти продала мне свою долю, Миша позже тоже вышел из совладельцев, «Самовар» до сих пор принадлежит нашей семье, официальный владелец — моя жена, но управляет сейчас всем ее дочка со своим супругом.

В феврале 2018 года в Москве на аукционе было выставлено и продано более 700 экземпляров из вашего архива, 50 из них связаны с именем Бродского. Среди них рисунки, книги, фотографии, альбомы со стихами и автографами, салфетки, на которых экспромтом писали знаменитые ваши гости. Почему вы решили продать это богатство? И почему не захотели продать кому-то в Нью-Йорке?

Понимаешь, все, что не было в «Самоваре» или не хранилось в моей квартире, просто лежало в ящиках, и кое-что у меня воровали потихоньку. А тут в Нью-Йорк приехала моя знакомая, представительница аукционного дома «Антиквариум», и предложила выставить альбомы и другие экспонаты на продажу, потому что кто-то там ко всему этому проявил интерес. И я решил, почему бы и нет. Отдал 90 процентов архива, что-то оставил себе. Картины, подаренные мне или купленные мною, я не продавал, они так и остались на стенах «Самовара» и у меня дома. Как мне известно, вещи приобрел одним лотом известный российский бизнесмен (Александр Мамут, ред), мы с ним лично не знакомы. Я даже и не думал никогда о том, чтобы продавать это в Нью-Йорке. Полагаю, он не будет просто хранить это у себя дома, но устроит какую-то выставку, может быть.

Вы сейчас большую часть года живете в Майами? Не скучно там без «Самовара»?

Живу на два города. Без «Самовара» скучно, честно говоря, русских ресторанов в Майами хороших нет, но есть много других. Вообще, я всегда все рестораны сравниваю с «Самоваром». В Майами у меня друзья, все же 15 лет уже туда езжу. Там есть мои книжки, море и солнце. Время от времени балуюсь переводами, перевожу поэзию с английского на русский и наоборот. Бывает, новые стихи заучиваю, помню до сих пор много старых.

А сами никогда стихи не сочиняли?

Я в своей жизни знал много прекрасных поэтов и понимал, что так писать, как они, не смогу, значит, нет смысла браться. Конечно, поначалу хотел заниматься литературой. Но как говорится, ораторами становятся, а поэтами рождаются.

Мемуары написать не хотите? Ведь вам есть что рассказать. В атмосфере ресторана, под водку и закуску, уверена, многие изливали вам душу и делились секретами, как ни с кем другим.

Мой друг Анатолий Найман написал замечательную книгу «Роман с Самоваром». Очень симпатично у него получилось рассказать и про «Самовар», и про моих гостей, и про меня самого. Он — мастер слова и лучше, чем он, я обо всем этом не расскажу. Поэтому не пишу и не буду. А секреты и должны оставаться

секретами. Они не мои, и не мне их другим рассказывать. Для чего это делать? Ради самолюбования и чтобы прославиться?

Вы ведь еще застали эмигрантов предыдущей волны? Знали ли вы Татьяну Яковлеву (возлюбленную Маяковского — прим. ред.) или Д. Баланчина?

В течение долгого времени я общался в Нью-Йорке со старыми русскими и грузинскими аристократами: князем Голицыным, Мдивани, с другими, всех уже не припомню. Конечно, Татьяну Яковлеву знал, у нее работал помощником Г. Шмаков, который был моим хорошим другом, я бывал дома на ее званых вечерах. Баланчин в мой ресторан не ходил, у него рядом с домом был другой русский ресторан. Татьяна сама тоже не приходила, а вот ее муж, А. Либерман, бывал, и дочка Франсин с супругом, мы с ней до сих пор дружим.

Нью-Йорк стал для вас новым домом?

Я рад, что уехал, никогда об этом не пожалел. Просто по друзьям очень скучаю, мои самые лучшие друзья почти все остались в Москве.

А Бродский скучал по России?

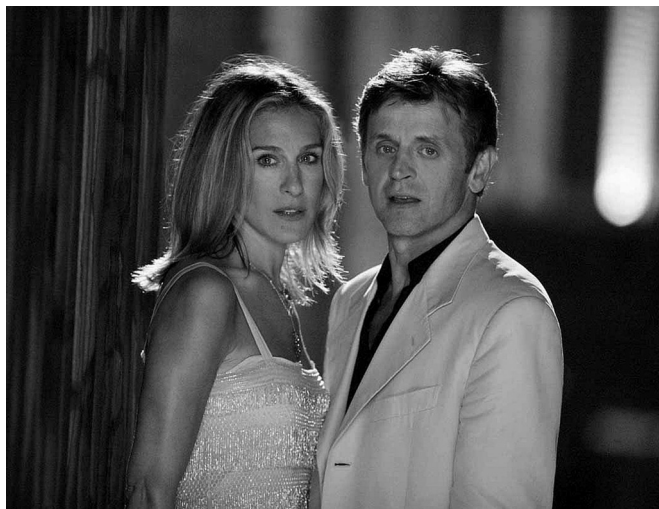
Черт его знает, очевидно скучал, мы просто никогда это не обсуждали. В России у него осталось масса близких людей. Он любил ездить в Швецию, ему нравился там климат, похожий на русский, и в Венецию, именно зимой, жару он не любил, а влажная и холодная Венеция на воде напоминала ему Ленинград.

Как вы думаете, как сложилась бы его жизнь, будь он до сих пор жив? Он мог бы вернуться в Россию?

Он предчувствовал раннюю смерть: «Век скоро кончится, но раньше кончусь я». Он никогда не думал, что проживет долго. Сомневаюсь, что он бы захотел вернуться.

Третья волна советской (русской) эмиграции была, пожалуй, самой яркой и самобытной. Из страны уезжали наиболее талантливые представители творческих профессий. Их отъезд был почти во всех случаях вынужденным, а потому овеян ореолом изгнанничества и борьбы с режимом. В те годы в Америке был огромный интерес ко всему русскому, русское было эквивалентом экзотики, многие шли в «Самовар» — увидеть, услышать и попробовать ее, другие, более продвинутые, откликались на известные имена советских эмигрантов, желая своими глазами увидеть тех, кто продолжает традиции великой русской литературы и русского искусства. Сами же эти легендарные эмигранты обрели в «Русском Самоваре» не Россию, которую они потеряли, а Россию, которой у них и не было. В этом маленьком русском уголке Манхэттена были интересны их книги, картины, музыка, они могли свободно высказывать свои мысли и суждения и ощущать себя,

словно на кухне у кого-то из них дома: под котлеты, борщи, водку, дым от сигарет вести бесконечные разговоры, не опасаясь никаких последствий, кроме похмелья. Молодое поколение американцев, и дети, и внуки эмигрантов потянулись туда еще и после знаменитого сериала «Секс в большом городе», где одну из ролей сыграл М. Барышников.

*Михаил Барышников и Сара Джессика Паркер в сериале
«Секс в большом городе»*

В «Самоваре» снимался один из эпизодов сериала «Секс в большом городе» с Михаилом Барышниковым и Сарой Джессикой Паркер. Вы сами-то сериал видели?

Как-то позвонил Миша и сказал, что в ресторане хотели бы снять эпизод для сериала, спросил, сколько это будет стоить. Миша ведь играл в сериале русского художника, а поскольку он сам был частью «Самовара», было логично, что решили снять эпизод со свиданием у нас в ресторане. Съёмки шли целый день, но только один день. Я его целиком не смотрел, только тот эпизод и еще какой-то. По-моему, он ужасный, пошлость какая-то. Все, что в нем есть, — показы мод и глупая болтовня. Потом на нашу улицу и к нам сюда возили автобусы с туристами, чтобы показать места, где проходили съёмки. Снимали на верхнем этаже, вечером, целый день шла подготовка, ресторан был закрыт для посетителей. В этом эпизоде можно даже увидеть мою физиономию, я играю там самого себя, хозяина ресторана. Когда героиня Сары Джессики Паркер заходит в зал, она говорит, что пришла на встречу с Петровским, а я, без слов, указываю ей, что он ждет ее наверху. Все картины со стен были сняты, они повесили свои какие-то невзрачные вещи. Наверху они сидели с Мишей и он учил Сару русским словам. Миша получил

вторую славу после сериала. Мы как-то с ним стояли возле «Самовара», курили, он вообще не курит, но иногда просил меня свернуть ему самокрутку, и мимо шли люди, и кто-то сказал: «Ой, смотри, артист из «Секса в большом городе». Когда Миша не был занят в съемках, он спускался, играл на рояле. Конечно, это стало шикарной рекламой ресторану, ну и заплатили нам очень хорошие деньги за съемку.

Когда вы в последний раз видели Иосифа?

Незадолго до его смерти. В Нью-Йорк тогда приехал один славный малый, фотограф Сергей Берменьев. Он попросил меня, чтобы я свел его с Бродским. Иосиф уже себя не очень хорошо чувствовал, но приехал в «Самовар». В итоге, у Берменьева получились, на мой взгляд, самые лучшие фотографии Бродского. Это был последний раз, когда я его видел. Но по телефону говорил с ним за день до смерти. А в день, когда он умер, я позвонил, и его литературная душеприказчица Энн Шелберг ответила, что Иосифа больше нет.

В «Самоваре» отмечались праздники, свадьбы, разные события и траурные дни: поминки по Довлатову, по Бродскому.

В день похорон Иосифа после отпевания все пришли сюда. И выдающиеся американские поэты, и русские, многие приехали из России, ресторан был абсолютно забит людьми. Стихи мы в тот вечер не читали, только поминали, общались.

Льва Лосева мы тоже поминали в ресторане. Вот уж кого я очень любил.

Ловлю себя на том, что в речи Романа есть неуловимые интонации Бродского и он так же, как его гениальный друг, часто после сказанного добавляет слово «да». Вспоминаю, что эта же мысль посетила меня на спектакле, в котором М. Барышников читал стихи Бродского: иногда он делал это в очень характерной для поэта манере.

Вы видели спектакль режиссера Германиса «Бродский/Барышников», в котором Барышников читает стихи Бродского?

Еще нет, но летом собираюсь в Италию, а там 11 июля как раз будет Миша с этим спектаклем. Побуду в Венеции в гостях у вдовы Пети Вайля, Эльвиры, схожу на могилку Иосифа.

Чем же был «Русский Самовар»? Литературным клубом? Эксклюзивным салоном?

У Василия Аксенова были такие стишки, он мне их в альбом написал:

Входи сюда, усталая мужчина,
И отдохни от чужеземных свар.

Нам целый мир покажется чужбиной,
Отечество нам «Русский самовар»!

Для многих людей это было очень важное место в жизни, оно их всех объединяло. Одно дело — прийти в обычный ресторан, где ты никого не знаешь, чтобы просто поесть или в место, где люди общались, встречали друзей или каких-то известных людей, я уж не говорю про Бродского и Барышникова. Заранее мы никогда не афишировали, кто будет на ужине, да и сами не всегда знали. Попасть с улицы, конечно, не всегда было легко. Самый пик популярности пришелся на 1986-1996 годы.

Что значит для вас «Самовар» сейчас? Вы не думаете о нем как о музее ушедшей эпохи?

В какой-то мере, это мое детище. Я всегда с удовольствием сюда прихожу. Каждый год приглашаю гостей отметить день рождения Иосифа, вот 24 мая снова соберемся, приходи. Конечно, сейчас здесь собираются другие люди, но и среди них есть довольно симпатичные и талантливые. Грустно, конечно, что наша эпоха прошла. Всегда жаль, когда что-то хорошее заканчивается. Когда я только открыл ресторан, все мы были сравнительно молоды. Сейчас, тридцать лет спустя, одних уж нет, другие старые и немощные, ходить по ресторанам не могут. Вот жизнь: сегодня здесь, завтра тебя нет. Не знаю, зачем это все и в чем смысл. Сначала родителей хоронишь, потом друзей. А ведь бывает и еще страшнее, когда родители хоронят детей. Когда я думаю о том, что Бродский умер еще довольно молодым, то вот совершенно без пафоса говорю, что ловлю себя на том, что если бы мог его спасти ценой своей жизни, сделал бы это. Что в ней ценить, если знаешь заранее, чем все закончится?

Из дальнего угла «Самовара», сидя за столиком Бродского, я смотрю на кусочки вечернего Нью-Йорка, города, когда-то приютившего поэта, который теперь смотрит на меня с портрета в рамке, хозяина ресторана, и многих его уже ушедших и ныне здравствующих друзей, лучших представителей третьей волны эмиграции, чья эпоха потихоньку становится воспоминаниями.

А потом мы вместе вышли из ресторана и пошли ловить такси на Бродвее, я подхватывала Романа под руку, когда боялась, что он слишком уж лихо переходит дорогу и идет близко к летящим навстречу машинам. Он собирался довезти меня, а я хотела удостовериться, что он безопасно доберется до дома, так и решили, что сядем в одно такси, моя остановка будет первой, а потом таксист довезет домой Романа.

«Спасибо вам за все и увидимся на дне рождения Бродского», — сказала я, закрывая дверь машины, удивляясь своей смелости и тому, что мне уже не безразличен этот чужой человек.

Но все просто: я, как и многие, попала под магию Романа с «Русским Самоваром». Этот человек и созданный им уютный, самобытный и гостеприимный мир (а не просто ресторан) вызывают зависимость. И клюквенная настойка тут ни при чем.

Беседовала Ольга Смагаринская, специально для журнала «Этажи»
Нью-Йорк, май 2018

Роман Каплан и Ольга Смагаринская в «Самоваре» за столиком Бродского, май 2018

Роман Аркадьевич Каплан — советский и американский литературовед, искусствовед, переводчик, создатель и владелец ресторана «Русский самовар» в Нью-Йорке. Родился 23 декабря 1937 в Ленинграде. Закончил Академию художеств и институт иностранных языков (Иняз), работал экскурсоводом в Эрмитаже. Получил степень кандидата филологических наук (по американской литературе) в Институте иностранных языков имени Мориса Тореза. В 1972 году эмигрировал в Израиль, где недолго преподавал американскую словесность, после чего обосновался в США. В Нью-Йорке в первое время трудился швейцаром, затем работал в художественной галерее Э. Нахамкина. В декабре 1986 года Роман Каплан основал на Манхэттене в Нью-Йорке ресторан «Русский самовар». Помимо гастрономической деятельности Каплан до сих пор с удовольствием занимается переводами поэзии.

Ольга Смагаринская. Окончила факультет журналистики МГУ. В годы студенчества сотрудничала с различными (на тот момент еще советскими) изданиями. Жила в Чикаго, Лондоне, Сингапуре, в настоящее время обосновалась в Нью-Йорке с мужем и двумя детьми. Публикуется в «Elle Russia», «Elegant New York», «Ballet Insider», RUNYweb.com, «Этажи», «Музыкальные сезоны». Лауреат премии литературно-художественного журнала «Этажи» в номинации «Лучшее интервью 2017 года».